

Увы, всё это приходит в голову только после ухода Сергея. По большому счёту, он вовсе не был «белой вороной» — это предполагает всё же некую патологию, а он оставался тем «нормальным» энтузиастом-исследователем, о существовании которых многие уже забыли. В историографии, как и в жизни, обычно не замечают спокойных, мудрых и настойчивых подвижников. А потому важно научиться делать то, что умеют они — отделяя зёрна от плевел, возвращать людям их подлинное — многокрасочное, но отнюдь не благодатное прошлое.

Елена Зубкова: Наш Сергей Сергеевич

Elena Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Our Sergey Sergeevich

DOI: 10.31857/S2949124X25020089, EDN: DPYLYR

Секиринский обладал редким качеством — быть Большим во всём. Ему очень шло уважительно-почтительное *Сергей Сергеевич*. Высокий, статный, «представительный», когда он шёл по институтскому коридору, то, казалось, заполнял собой всё пространство и всех видел. Особенно тех, кто «задолжал» журналу давно обещанный материал. Если задумывал какой-то проект, то тоже вовлекал в него всех — друзей, коллег, семью. Хотя насчёт «всех», пожалуй, преувеличение, поскольку при отборе «своих» Секиринский был весьма щепетилен и придирчив.

Как истинно большой человек, Сергей Секиринский был многогранен и неисчерпаем — почти как космос. Наверное, не случайно он и родился в «космический» день — 12 апреля. По этому поводу иногда шутил, что Ю.А. Гагарина запустили в его честь. Трудно сказать, кем он был в «первую очередь» — пишущим историком, редактором, лектором, педагогом. Это была его вселенная, его жизнь, и кажется, убери из неё что-то одно, это будет уже не совсем Секиринский. Не *наш* Сергей Сергеевич.

Склонный к иронии и, что важнее, самоиронии, он привлекал остротой ума, нетривиальностью суждений и умением находить общий язык с разными людьми. Общительный и доброжелательный собеседник, как редактор мог быть жёстким и бескомпромиссным: не терпел халтуры, казёнщины, бесталанности. Считал, что профессиональный историк *должен* писать хорошо — хотя бы из уважения к читателю. Никогда не называл, как это бывает сплошь и рядом, живой язык научной статьи публицистикой и тем более не путал публицистику как жанр с беллетристикой (художественным творчеством). Хотя беллетристику, особенно XIX в., ценил, в том числе и как незаменимый источник. В своих собственных текстах возвращал из небытия полузабытых писателей и поэтов. Его часто видели с книжкой в руке: как правило, это были мемуары или дневники. Радовался, когда получал хорошие тексты, злился — столкнувшись с очередной безвкусицей. В ответ на обиду добродушно парировал: «Секиринский — от слова *секира*». Но если понимал, что нашёл «своего» автора или «свою» тему, готов был «пробивать» — новых людей, оригинальные идеи, рубрики, проекты. С ним было легко работать и легко дружить, причём одно другому ничуть не мешало.

Иногда приходится слышать, что журнальная работа не дала Сергею Сергеевичу в полной мере раскрыть свой талант историка. Наверное, это так.

Но журнал он любил. И в редакции его любили. Секиринский, редактор от Бога, был вместе с тем и моим редактором. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. журнал «История СССР», а затем «Отечественная история» стремительно терял популярность, явно не успевая отвечать на вызовы времени. Молодые историки, включая меня, считали это издание — возможно, не вполне справедливо — консервативным и выбирали другие пути для своих публикаций. Моя первая статья в «Отечественной истории» появилась в 1995 г., и только благодаря Секиринскому, который тогда уже не просто заведовал отделом новейшей истории, но и входил в состав редколлегии.

В тот год отмечалось 50-летие Победы, и я пришла к Секиринскому с идеей: посмотреть на 1945 год как на рубежную веку, точку отсчёта в жизни людей, ещё недавно находившихся по обе стороны смертельного противостояния. Для русских и немцев 1945 год не только обозначил победу или поражение, триумф или катастрофу, но и имел некий общий смысл: он был *концом войны*. Идея Сергею понравилась, а на мои сомнения, подойдёт ли это «под юбилей», он отреагировал коротко: «Ты пиши, а дальше моя забота. Даю тебе три дня». Кажется, это был единственный случай, когда я сделала статью за столь короткий срок. Недавно перечитала: вроде не стыдно.

Работая над текстом, я никак не могла подобрать термин, адекватно обозначающий феномен 1945 г., — общество, вышедшее из войны. «Послевоенное общество» звучало слишком нейтрально, а ничего другого на ум не приходило. И снова пошла за советом к Сергею, зная его чуткость к слову и умение находить удачные формулировки. На мой вопрос «что можно здесь придумать?», он ответил просто: «Ничего. Ты уже всё придумала. Оставь как есть: *общество, вышедшее из войны*». Так появилось название статьи, а попутно и понятие, которое прижилось и со временем даже вошло в учебники.

К теме войны мы с Секиринским возвращались не раз. Говорили о её человеческой истории и метаморфозах, когда на гребне ненависти и насилия вдруг прорастала человечность, а враги, оказавшись лицом к лицу в житейской ситуации, переставали быть таковыми. Война как жизнь — сюжет, до сих пор слабо освоенный историками. Он не отражён в реляциях и сводках, о нём молчат рапорты и статистика. Но та «другая» война оставила след на страницах дневников военных лет, в рассказах фронтовиков, в художественной литературе.

Однажды в конце 1990-х гг. нас с Сергеем пригласили на одну авторитетную радиостанцию — «поговорить о войне». Мы решили, что это хороший повод поделиться нашими размышлениями о «другой» войне и её художественных образах. Но ничего не вышло: у ведущего уже был свой сценарий передачи, и, как мы ни старались, диалога о человеке и человечности на войне тогда не получилось. Не получилось и реабилитировать в эфире художественные тексты как «полноценный», а иногда и просто уникальный исторический источник. Обескураженные и разочарованные, мы шли по Новому Арбату. Молчали. «Ничего, — примирительно-ободряюще сказал, наконец, Сергей. — В конце концов у нас есть журнал. А потом ещё что-нибудь придумаем». И придумал. Может быть, тогда и родилась у него идея тандема Историка и Художника.

Секиринский — человек, выпадавший из формата и потому открытый всему новому, нестандартному. Таким он хотел сделать и журнал. Когда другие издания стремились приспособиться «под мировые стандарты» (знать бы

ещё, что это такое), он создавал резонансный исторический журнал со «своим лицом». Не с лицом главного редактора на первом плане (это уже было), а скорее многоликий, работающий в режиме диалога с авторами и читателями. Секиринский видел в обновлённой «Российской истории» территорию дискуссий и обсуждений, объединяющую профессионалов разных школ и направлений.

Весной 2012 г., уже в статусе «главного», Сергей Сергеевич позвонил мне и предложил войти в состав редколлегии. У меня был только один вопрос: «Это нужно тебе *лично?*». Так я стала членом «команды Секиринского». Он собирал единомышленников — не тех, кто одинаково думал (это скучно), а креативных помощников в большом общем Деле. К сожалению, ему было отпущено слишком мало времени на воплощение ещё одного, возможно, самого важного проекта. Он многого не успел. Но и сделанного им с лихвой хватило бы для кого-то другого. Просто он не был «другим» — *наш Сергей Сергеевич*.

Людмила Гатагова: Душа его витает где-то здесь...

Lyudmila Gatagova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): His soul is somewhere here...

DOI: 10.31857/S2949124X25020094, EDN: DPYXKW

Хотя уже прошли годы, Серёжу многие помнят и часто вспоминают. Он не даёт о себе забыть, настолько ощутимым и важным было его присутствие в том пространстве, где мы вращаемся. И в известном смысле он до сих пор в нём пребывает, не уходя из нашей памяти.

Не помню даже, как началась наша дружба. С чего обычно начинается дружба: с общения — сначала случайного, короткого, потом всё более продолжительного. А дальше в какой-то момент обнаруживается, что человек уже давно является частью твоей жизни, что он всегда тебе интересен, а обмен мнениями с ним становится потребностью. И его место некому занять, этот вакуум заполняют только воспоминания. Много лет подряд повторялось одно и то же: он, проходя мимо нашего центра, сначала заглядывал, чтобы убедиться, нет ли заседания, потом заходил и... Нам всегда было о чём потолковать, ведь мы с ним были, как говорится, на одной волне. Секиринский не относился к категории тех, кто просто болтает от скуки. Он обладал редкой чертой: в нём ощущался неистощимый интеллектуальный голод, заставлявший жадно поглощать информацию и извлекать из неё то, что действительно заслуживает внимания. У него было чутьё на всё стоящее. Человек высокой культуры и творчески одарённый учёный, он умел воспринимать многообразие и сложность окружающего мира и генерировать оригинальные, неординарные идеи. «Историк и Художник» — самое яркое его творение. В этом удивительном журнале всё, от начала и до конца, придумал он. И с каждым, кто возьмёт в руки любой из номеров журнала, он вступает в незримый диалог.

Как же теперь нам не хватает его степенности и основательности в движениях и действиях, его утончённого ума и эрудиции, ироничности, самодостаточности и поразительной органичности, благодаря которой он неизменно оставался самим собой без притворства, лицемерия и масок.